

ПСОЙ КОРОЛЕНКО:

Все мы что-то здесь показываем
и изображаем

Псой Короленко (настоящее имя Павел Лион) – поэт, музыкант, перформансье, кандидат филологических наук, автор «Постмодернистских частух» и многих других философских и не очень песен. В своем творчестве он экспериментирует с различными фольклорными традициями, поет на нескольких языках, в том числе на идише, не брезгает использовать обсценную лексику. Побывавшие на его концертах, описывают свои переживания, как экзистенциальные. «Культиватор» поговорил с Псоем на «философские» и около философские темы.

беседовала: Валерия Косякова
фотографии: Марк Боярский

– Расскажи, как возник медийный образ «Псой Короленко» и что за ним стоит.

– Как известно, медиа – это множественное число от слова «медиаум», по-латыни «посредник». Медиация означает опосредование, посредничество, средство. Медиа – это средства массовой информации. Разумеется, тут также есть и значение «средний», оно того же корня, и в этом есть символическое указание на то, что информационное посредничество чревато опасностью скользнуть куда-то в сторону усредненности, посредственности. Поэтому в сфере медиа обязательно должен быть креатив.

«Псой Короленко» – это мое художественное имя. В нем передается моя связь с писателем Владимиром Короленко, в жизни и творчестве которого я вижу близкие мне интенции, направленность. В одном из писем к своему брату Короленко написал: «Родись я в день святого Псоя – быть бы мне Псоем Короленко».

«Псой Короленко» – энергичный бренд. Через связь с именем известного писателя-правозащитника этот бренд символизирует гуманизм и оптимизм. Также в нем имеется отсыл к раннему христианству – через имя Псоя Египетского, одного из основоположников монашества.

Медийным образом Псой Короленко является по факту каждый раз, когда медиа с ним взаимодействуют, например, в данный момент.

– Раз уж мы об этом заговорили, как, по-твоему, соотносятся образ и сущность?

– Это философский вопрос. На него пытались ответить веками. В двух словах это не скажешь. Но это есть у Платона, есть в христианстве, постмодернизме. Образ изображает, а сущность существует, как сказал бы Хайдеггер. Образ может являться символическим представлением сущности. В этом случае образ становится иконой. («Иконизировать» – значит «изображать».) И все мы в некотором смысле образы и иконы по отношению к определенным сущностям. Мы что-то здесь показываем, изображаем.

– Что для тебя означает публичность и что, на твой взгляд, делает высказывание публичным?

– Публичность можно определить как ситуацию, когда тебя знает достаточно большое количество людей, которых ты не знаешь. Если тебя часто узнают на улице чужие люди, это значит, что ты публичная фигура. Но есть разные виды публичности: кого-то знают в лицо, кого-то – скорее по имени, кого-то вообще не знают, но хорошо знают название проекта или продукта, который сотворил этот человек. Степень и форма твоей публичности не имеет четких пропорциональных соответствий степени твоей влиятельности.

Высказывание можно назвать публичным, если его слышит или читает достаточно большое число людей, с которыми тот, кто высказывается, лично не знаком. Впрочем, все это характерно скорее для вчерашнего дня, когда не было социальных сетей. Теперь, в эпоху их расцвета, все, что касается публичности, будет устроено совсем по-другому. Граница приватного и публичного будет гибкой, подвижной, вопрос публичности и непубличности будет полностью сводим к каким-нибудь там «настройкам прайваси», чисто техническим штукам.

– В твоих песнях нередко звучат имена известных современных философов. Это просто прикол, экзотика, или философия для тебя действительно представляет что-то важное?

– Вот, например, философская тема: недостатки другого, и как они связаны с Недостатком Другого. Тут можно вспомнить лакановское понятие *le manqué* («нехватка») или экклезиастовский «хисарон» («недостаток»). Как там было сказано, «чего нет – того не сосчитаешь», и так далее. Я написал об этом песню:

«Чудовище – я,
хорошая – ты,
мне так не хватает твоей полноты.
Хорошая – я,
чудовище – ты,
мне так не хватает твоей пустоты».

Но в этой песне нет ни слова о философах. И вообще, надо сказать, что в песнях я обращаюсь к ним напрямую крайне редко, буквально в единичных случаях. Конечно, «Постмодернистские частушки» с грубо-комическими рифмами вроде «Деррида-борода» популярны в Сети, и отсюда у кого-то может сложиться впечатление, что я обращаюсь к этим именам «часто». Однако я эту песню не пою с тех пор, как продюсерская группа *Bad Taste* записала ее

на нашем с группой NEOANGIN альбоме «Гонки» (2004). Еще на нашем совместном альбоме с Дэниелом Каном «Унтернационал» (2008) в песне «Ekh Lyuli Lyuli», переделке из фольклора евреев-кантонистов – рекрутов николаевской армии, есть мой рэп-текст про Жижека. А недавно я записал другую версию этой песни, где кратко пересказана книга Алена Бадью «Этики», принятая мной действительно всерьез. Эту песенку я иногда в шутку называю «неокантонистской». Но это все, больше нет примеров упоминания философов в моих песнях.

– Не напоминает ли то, что ты делаешь в этих случаях, деятельность какого-нибудь молодежного средства массовой информации, которое пропускает зажигательные имена разных модных чуваков, типа Фуко и Деррида, через свои искажения и шумы?

– Ну, может, раньше, когда я был мал и глуп, так оно и было. Сейчас я, наоборот, предпочитаю, как говорила мама, «крепко подумать», прежде чем упоминать каких-либо философов. К слову сказать, в своем рэп-комментарии к фильму «Третья Мещанская» я по совету друга, наоборот, вырезал все упоминания Лакана и Фуко, чтобы не было ощущения «капустника» или глупого умничанья там, где и так все очень неглупо. Теперь вместо Лакана я пою «великана», а там, где должен упоминаться Фуко, я вообще сижу и молчу в тряпочку. Так что «зажигательные имена чуваков» остаются где-то там, в глубоком подтексте, на интимном уровне, который мы, по Станиславскому, никому не покажем.

Но вообще-то для разговора о философах я предпочитаю жанр эссе, а не песни. С 2007-го по 2009 год я вел еженедельную колонку «Взгляд на вещи» в приложении «Антракт» к «Независимой газете». Это были эссе на философские темы, в которых простым бытовым русским языком пересказывались идеи современных философов на различных волновавших меня тогда примерах из культуры, политики, ежедневного быта, психологии и так далее.

– Не кажется ли тебе, что странно пытаться осмыслить постмодернизм средствами постмодернизма?

– Я думаю, что осмыслять постмодернизм, в числе прочего, средствами самого постмодернизма вполне нормально, это как вышибать клин клином, и действует как отрицание отрицания по Гегелю, которое ведет к утверждению какой-то новой ценности. Но я вообще не хочу, чтобы мой образ так уж сильно привязывался к понятию «постмодернизма», даже через «отрицание» оно-го. Хотя опять же, это не табу. Постмодернизм – это обозначение эпохи, в которую я, грубо говоря, получил образование. Поэтому зачем же мне быть неблагодарным? Это что-то вроде родителей. Мы не во всем разделяем их ценности, но все-таки глупо быть таким «Иваном, не помнящим родства».

– Можешь ли ты описать, каким был твой самый последний, самый свежий опыт, связанный с темой философов и философии?

– Мне сразу вспомнился мой позавчерашний случайный попутчик в поезде «New Jersey Transit» – в потрепанном светло-сером костюме, с книгой Деррида в руках и с сумкой «The North Face» через плечо, в которой лежала старенькая труба. Он вступал в разговоры с незнакомыми людьми, что не очень принято в Америке, непрерывно шутил и каламбурил, и в какой-то момент, просто к слову, упомянул, что в Париже был знаком с Бадью, а сейчас едет на лекцию Жижека. Я рассказал ему тогда о своих рэпах о Жижеке и Бадью и даже показал на «Blackberry» свой рэп про Бадью. Но мой собеседник не понимал по-русски. Когда мы доехали до нью-йоркской «Penn station», пришла пора прощаться, и он спросил, как сказать по-русски неформально «до свиданья». «Счастливо!», сказал я ему, и он тотчас же «расслышал» в этом русско-английскую игру слов и сказал: «Just Live!»

Все это случилось в тот день, когда самой цитируемой фразой было высказывание Стива Джобса о необходимости жить своей, а не чужой жизнью, потому что у нас слишком мало времени, чтобы позволить себе зависеть от мнений или навязанных парадигм, вместо того чтобы найти свою истину и ей следовать. Это для меня случайно оказалось созвучно с бадьюзианским «Продолжай идти!» и с этим неожиданным «Just Live!» в ответ на «Счастливо!» от случайного попутчика в «New Jersey Transit». Если бы я хотел говорить красиво, я сказал бы, что вот она, современная философия.